

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ И УСЛОВИЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НАРТСКОГО ЭПОСА

Настоящий доклад посвящен одному из наиболее важных и спорных вопросов нартского эпоса – вопросу о времени и условиях его возникновения. Постановка этой проблемы требует ответов на вопросы, – где, т.е. в какой географической области, **когда**, т.е. в какой хронологический отрезок времени, **в какой конкретно-исторической обстановке** (в данном случае я имею в виду определенную ступень развития первобытнообщинной формации) и, наконец, **в какой этнической среде** зародился нартский эпос.

Но прежде чем приступить к изложению материалов, относящихся непосредственно к теме доклада, разрешите сделать мне несколько предварительных замечаний:

Уважаемая А.А. Петросян, упомянув на вчерашнем заседании доклады У.Б. Далгат и мой, отметила, что они посвящены спорным вопросам нартского эпоса. (Кстати, доклад У.Б. Далгат так и называется). В связи с этим разрешите заметить, что если у кого-нибудь и будут критические замечания по нашим докладам (а они, конечно, могут быть), то у меня с У.Б. Далгат никаких принципиальных разногласий по вопросам нартского эпоса нет. Я был весьма удовлетворен, когда, выслушав ее интересный и содержательный доклад, нашел, что целый ряд моментов, которыми я хотел поделиться с Вами, затронуты в ее докладе и в такой же форме, в какой предполагал сделать это я сам. Это первое замечание.

Второе замечание, которое я считаю нужным сделать перед уважаемыми фольклористами, состоит в том, что я, не имея по роду своей специальности прямого отношения к вопросам фольклора, решил все-таки выступить с моим сообщением, поскольку думаю, что как историк смогу, быть может, оказаться небесполезным при исследовании некоторых деталей историче-

ского эпоса, в котором отражен определенный этап развития общества, создавшего этот эпос.

Третье предварительное замечание сводится к следующему: 20 лет тому назад мне довелось в Тбилиси выслушать доклад нашего крупнейшего нартовед, многоуважаемого Василия Ивановича Абаева. Доклад был посвящен проблемам происхождения и развития нартского эпоса. В этом докладе проф. В.И. Абаев, касаясь абхазских нартских сказаний, заявил, что они не являются родными для абхазского народа и распространены среди абхазов лишь в фрагментарном виде. Это дало ему основание сделать вывод, что нартские сказания, бытующие среди абхазов, заимствованы ими у других народов.

Спустя некоторое время В.И. Абаев приехал в Абхазию в научную командировку с целью изучения ряда интересовавших его вопросов, среди которых одним из главных был вопрос о нартском эпосе. Еще до появления его статьи, посвященной результатам Абхазской экспедиции, я имел удовольствие иметь с ним личную беседу, в которой он сообщил мне, что его прежнее мнение о том, будто нартский эпос имел у абхазов незначительное распространение, не подтвердилось; теперь он убедился, что нартский эпос широко распространен в абхазском народе, а поэтому заслуживает особого внимания и изучения.

В своем выступлении на первой нартской конференции в г. Орджоникидзе В.И. Абаев ставит уже вопрос об оригинальности, самобытности абхазского нартского эпоса и высказывает предположение, что, наряду с известными центрами формирования и развития нартского эпоса – осетинским и адыгским, – придется, возможно, признать и наличие третьего центра – абхазского. И я был очень рад, когда вчера в своем докладе он заявил, что действительно существовало три центра нартского эпоса – осетинский, адыгский и абхазский. Этот прогресс в развитии взглядов В.И. Абаева является подтверждением того, что в абхазских сказаниях мы имеем такой вариант нартского эпоса, который вполне позволяет нам оперировать им при решении самых актуальных вопросов нартоведения.

Мне бы хотелось также остановиться на развитии взглядов уважаемого Е.М. Мелетинского. В своих прежних высказыва-

ниях относительно нартского эпоса и, в частности, об этнической среде, в которой он возник, Е.М. Мелетинский проводил тот взгляд, что этот эпос заимствован у скифо-алано-сарматских племен. Он говорил, например, что кабардинцы, поскольку они заняли территорию, на которой до них обитали осетины, могли заимствовать этот эпос именно у осетин. Что касается абхазского эпоса, Е.М. Мелетинский считал, что самостоятельного значения он не имеет и примыкает к адыгским нартским сказаниям.

Но, слушая вчерашний доклад Е.М. Мелетинского, я имел удовольствие констатировать, что и он изменил свою точку зрения. Так же, как и В.И. Абаев, он признает теперь самостоятельное, оригинальное значение абхазского нартского эпоса, считает, что нельзя говорить о каком-либо одном народе, как о создателе эпоса, а полагает, что нартский эпос является творением предков целого ряда народов, проживающих на территории Центрального и Северо-Западного Кавказа, а именно: осетин, кабардинцев, черкесов, адыгейцев, абхазцев, ингушей, чеченцев и некоторых других.

Я считаю вполне правомерным воспользоваться этим положением и оперировать абхазским вариантом нартского эпоса как важным подспорьем при постановке и решении ряда коренных вопросов нартоведения.

Перейду теперь непосредственно к теме моего доклада.

Каковы же те представления, которые мы имеем на сегодняшний день по вопросам, поставленным в начале доклада?

Одни исследователи считают, что нартский эпос возник в основном на территории Северного Кавказа, но другие допускают возможность включить в географический ареал его формирования и некоторые области к северу от Кавказа. Третьи авторы расширяют этот ареал еще более, вводя в него территорию Западного Закавказья. У меня под рукой имеются соответствующие выписки и цитаты, но, чтобы не загромождать доклад, я на этом специально останавливаться не буду. Отмечу лишь, что по вопросу о географическом ареале распространения нартского эпоса на сегодняшний день нет единой точки зрения.

Второй вопрос – более важный – это вопрос о той стадии социально-экономического развития, которая в основном отражена в эпосе. Как справедливо отмечают некоторые исследователи нартского эпоса, и в первую очередь В.И. Абаев, этот эпос, как и аналогичные эпосы других народов, является полистадиальным, многослойным, т.е. в нем отражен ряд этапов социально-экономической истории народа, создавшего этот эпос.

Но вместе с тем была ведь какая-то одна, определенная стадия исторического развития, к которой следует отнести появление основного ядра нартского героического эпоса. И в этом вопросе также существуют разногласия.

Некоторые авторы считают (или считали), что основное ядро нартского эпоса возникло в эпоху матриархата. Главный довод, которым они оперируют является, естественно, образ Сатаней-Шатаней. В нем они видят основной, первичный этап возникновения этого эпоса и датируют его эпохой матриархата. Такой точки зрения придерживался К.Д. Кулов в своей работе «Матриархат в Осетии», изданной в 1985 году.

Такая же тенденция проявлялась и в работах некоторых других исследователей. Например, Е.М. Мелетинский в своей книге «Происхождение героического эпоса» говорит о «матриархальной общине нартгов». Ш.Д. Инал-ипа также писал (в книге «Абхазы»), что «нартское общество организовано в материнский род» (хотя в другом месте возникновение эпоса он относит к эпохе патриархата).

Вторая точка зрения сводится к датировке возникновения эпоса эпохой раннего патриархата. Такого взгляда ныне придерживается упомянутый К.Д. Кулов, который отказался от прежней датировки эпоса периодом матриархата. В результате датировка возникновения основного ядра эпоса поднялась на целые тысячелетия.

Однако подавляющее большинство исследователей нартского эпоса, на наш взгляд, правильно относит возникновение эпоса к позднему патриархату и хронологически датирует его первой половиной I тысячелетия до н.э. В период позднего патриархата, как известно, происходил интенсивный процесс разложения первобытнообщинного строя.

Что касается вопроса об этнической среде, в которой сложился нартский эпос, то и здесь существуют определенные разногласия.

В прежние времена, когда осетинские нартские сказания были хорошо известны, адыгские – в меньшей степени, а абхазские и вовсе неизвестны была выдвинута точка зрения, по которой создателем нартского эпоса являлся осетинский народ в лице своих предков, в первую очередь, аланов. Такая точка зрения настойчиво проводилась В.И. Абаевым. Его поддерживали и некоторые историки (Б.В. Скитский, Л.П. Семенов и др.), которые пытались обосновать это положение историческим материалом.

Вместе с тем очень осторожно, но также настойчиво выдвигалась другая точка зрения, по которой нартский эпос являлся не аланским, а адыгским эпосом.

Однако успехи в области нартоведения позволили преодолеть эти узкие точки зрения и на сегодняшний день большинство исследователей придерживается взгляда, что в целом нартский эпос является многонациональным эпосом (в пределах Северного Кавказа и частично Закавказья). Правда, у некоторых народов он бытует в законченном виде, у других представлен менее богато, но такие современные народы Кавказа, как осетины, адыгейцы, кабардинцы, черкесы и абхазцы, являются коренными носителями этого эпоса. Данное положение является одним из важнейших выводов, сделанных на I нартской конференции в Орджоникидзе.

Но все-таки вопрос о происхождении первоначального ядра нартского эпоса не снимается. В.И. Абаев по-прежнему стоит на том, что создателем основного ядра эпоса являются скифо-сарматские элементы. Так, он проводит эту точку зрения в предисловии к книге «Нарты», изданной в Москве в 1957 году. Какое мнение по данному вопросу имеет Василий Иванович теперь, он, быть может, скажет в своем докладе.

Иначе говоря, касаясь вопроса об этнической среде, создавшей первоначальное ядро эпоса, В.И. Абаев и ряд других авторов продолжают выдвигать в качестве таковой скифо-сармато-аланскую среду, появившуюся на Северном Кавказе не ранее VII столетия до н.э. из Средней и Центральной Азии. По-

этому фактически ставится вопрос о привнесении нартского эпоса иммигрировавшими на Кавказ ираноязычными элементами, а затем заимствованиями его коренным населением Кавказа – предками адыгов, абхазов и др. – от скифо-сарматских пришельцев.

Однако в последнее время все смелее выступают отдельные специалисты (не только фольклористы, но и этнографы, историки, археологи и др.), которые настаивают на том, что этнической средой, создавшей эпос, является местная, коренная кавказская, доаланская среда.

Хотя попытки дать правильное решение вопроса о происхождении основного ядра нартских сказаний делались пока лишь в общей форме – статьях, рецензиях или докладах, тем не менее мы не вправе не отметить эти труды.

Прежде всего я хотел бы вспомнить выдающегося ученого, крупнейшего специалиста по этнографии народов Кавказа Г.Ф. Чурсина. Еще в 1981 году он опубликовал краткую аннотацию своего интересного доклада об «Абхазо-осетинском яфетическом мире», в котором подчеркивал, что народы Центрального и Северо-Западного Кавказа отличаются единством культуры. Одно из важных положений, которое он выдвинул это вопрос об общих для этих народов корнях нартского эпоса.

Эта была первая правильная постановка вопроса, причем характерно, что она была выдвинута не только в результате изучения нартского эпоса, но и на основе глубокого знания этнографии народов Кавказа.

Далее, я хочу отметить небольшую рецензию Б.А. Гарданова, опубликованную в 1947 г. на один из трудов В.И. Абаева. В этой рецензии поставлен ряд важных вопросов о происхождении и этнической среде нартского эпоса. В частности, Б.А. Гарданов подчеркивает общекавказское происхождение нартского эпоса.

В последнее время по этому вопросу выступил Е.И. Крупнов, который в своей работе «Древняя история Северного Кавказа», полемизируя с Е.М. Мелетинским и В.И. Абаевым, доказывает, что нартский эпос сложился в кавказской среде до аланского времени.

Те положения, которые я собираюсь развить в своем докладе, не являются чем-то новым и оригинальным. В основном я придерживаюсь взгляда таких авторов, как Б.А. Гарданов. Но попытаюсь дополнительно обосновать эти положения с привлечением материала из абхазских нартских сказаний.

Учитывая, что на нашем заседании присутствуют не только специалисты, но и более широкая аудитория, хочу отметить, что те публикации нартского эпоса, которыми мы на сегодняшний день располагаем, недостаточны ни по объему своего содержания, ни по форме изложения материала, чтобы дать основание сделать решающие выводы. Возьмем, к примеру, абхазское издание – «Приключения нарта Сасрыквы и его 99 братьев» – это прекрасно сделанный перевод, в прозе – Г.Д. Гулия, а в стихах – С.И. Липкиным, неутомимым переводчиком памятников народной поэзии не только абхазов, но и других народов Кавказа. Тем не менее я считаю, что с научной точки зрения – думаю, что специалисты, присутствующие здесь, со мной согласятся, – мы не можем оперировать этими переводами так, как хотя бы той публикацией, которую сделал Ш.Д. Инал-ипа в 1949 году.

Это замечание в еще большей степени можно отнести к сборнику юго-осетинского варианта нартских сказаний, изданному в Москве В. Абаевым и В. Колоевым, где для удобства читателей прозаические сказания полностью переведены стихом. Читателю, конечно, стихи легче воспринимать, но в научной работе оперировать таким материалом труднее. Не совсем удачно также и кабардинское издание.

В этом отношении, мне кажется, лучшим изданием, ближе всего стоящим к оригиналу и отражающим его специфику, является северо-осетинское (1948 и 1949 гг.), где дан точный перевод всех основных сказаний в том виде, в каком они бытуют в народе, преимущественно в прозе и в отдельных случаях в виде белого стиха.

Это все, чем мы располагаем, если не считать отдельных циклов эпоса (осетинских и кабардинских), которые публиковались раньше. Так что у нас еще недостаточно материалов, добротных с точки зрения научной значимости, и поэтому выдвижение тех или иных тезисов на основе научно изданного мате-

риала – это дело будущего. Интересы дальнейшего развития нартоведения настоятельно требуют научной публикации вариантов и версий всех эпических циклов, бытующих у различных народов Кавказа.

Перехожу конкретно к вопросу о времени и исторических условиях возникновения нартского эпоса,

Здесь коснулись этого вопроса У.В. Далгат и некоторые другие докладчики. Но мне кажется, что настало время говорить об этом не в общих чертах, ссылаясь на отдельные, более или менее характерные детали эпоса, а соединенными усилиями специалистов (фольклористов, историков, этнографов, языковедов и др.) решить эту проблему в монографическом плане. Для меня лично, как историка, не оставляет никакого сомнения, что в нартском эпосе мы имеем дело по преимуществу с поздней стадией патриархального строя, при котором пока еще налицо все основные моменты патриархального общества, как базисные так и надстроечные, но в то же время дают о себе знать явные признаки его социально-экономического разложения.

Среди этих признаков важнейшими являются зачатки частной собственности, накопление богатств отдельными нартскими родами и политический строй «военной демократии». Возьмем, например, «народные собрания» нартов (Большая хаса, ныхас). Во всех основных вариантах эпоса – абхазском, адыгском и осетинском – эти типичные народные собрания эпохи позднего патриархата, т.е. собрания взрослых мужчин-воинов, на которые не допускаются ни женщины, ни дети. Вместе с тем на этом «народном» собрании первое слово всегда принадлежит старейшим и родовитым нартам, а основная масса рядовых нартов фактически ступшевана.

Другой институт, связанный с строем военной демократии, – это совет старейшин, именуемый в адыгском варианте эпоса Малой хасой. Он играет решающую роль в повседневной жизни нартов.

В этой связи я хочу остановиться и на Абхазских нартских сказаниях. Специалисты отмечают, что в них матриархальные черты проявляются более ярко и выпукло, чем в других национальных вариантах нартского эпоса, но тем не менее и абхазское нартское общество, несмотря на то, что во главе его стоит

женщина (Сатаней-Гуаша), живет в условиях типичного патриархального строя.

Взять хотя бы мотив кровной мести. В своей ранней работе, посвященной абхазским нартским сказаниям, Ш.Д. Инал-ипа писал, что кровная месть совершенно чужда абхазскому нартскому эпосу. Но в то время у него было еще мало материала, а впоследствии выяснилось, что этот мотив не чужд абхазскому эпосу. Кровная месть, может быть, в эпосе отражена слабо, но в сказании о Шаруане этот мотив проявился весьма ярко.

Инал-ипа: Само это сказание позднее.

Анчабадзе: Сказание позднее, но не выходит за рамки основного ядра эпоса. Теперь Вы пишете, что в абхазских сказаниях мотива кровной мести «почти» нет, а раньше писали «совершенно» нет. Несомненно, дальнейший сбор материала даст нам дополнительные сведения по этому вопросу. Но если этот мотив (кровная месть) в абхазском варианте отражен слабо, то это лишний раз указывает на то, что в этом эпосе представлена более низшая ступень поздне-патриархального общества, чем в осетинских и адыгских сказаниях, где мы имеем высокую ступень позднего патриархата, для которой кровная месть представляет типичное явление.

Возьмем такой эпизод: рождение Сасрыквы. По абхазскому варианту эпоса сыновья Сатаней-Гуаши во главе со старшим сыном Ситом ребром ставят вопрос перед матерью – откуда взялся ребенок («пусть не ведает позора нартов семья»), требуя объяснить появление Сасрыквы и сомневаясь в том, что здесь сыграл свою роль их отец – немощный старик (а в иных вариантах отец вовсе отсутствует). Является ли эта ситуация матриархальной? Конечно, нет. Такое отношение к матери возможно лишь в условиях позднего патриархального общества.

Это подтверждается и наличием у абхазских нартов патрилокальных брачных поселений, за исключением Сасрыквы, все нарты после женитьбы, привозят жен в свой дом. Даже сама Сатаней-Гуаша по своему происхождению принадлежит не к роду нартов, а к роду элхвыс и живет среди нартов по патрилокальному признаку.

Можно было бы указать на целый ряд других моментов (систематические военные походы, ведущая роль мужчин в хо-

зьяйстве и др.), которые дают основание утверждать, что стадия социального развития абхазских нарттов в принципе не отличается от уровня развития адыгских и даже осетинских нарттов.

Вместе с тем совершенно правы Е.М. Мелетинский и Ш.Д. Инал-ипа, что абхазские нартские сказания являются более архаичными, чем адыгские или осетинские. Можно привести немало примеров, подтверждающих это обстоятельство. Укажем, прежде всего, на образ Сатаней-Гуаши, который, как известно, всегда выдвигается на передний план при характеристике матриархальных пережитков в нартском обществе. Если сравнить абхазскую Сатаней-Гуашу с адыгской Сатаной и осетинской Шатаной, то мы убедимся, что первая сохранила значительно больше матриархальных черт. Абхазская Сатаней – это действительно мать – руководительница нартской общины. Все нарты являются ее сыновьями. Вспомним ситуацию зачатия Сасрыквы. Сатаней вышла на берег реки и на противоположном ее берегу увидела пастуха, который ей понравился. Она приказала ему переплыть к ней, и тот попытался беспрекословно ей подчиниться. Существенными отличиями характеризуется та же сцена в адыгском варианте эпоса. Адыгская Сатана также стоит на берегу реки, а на противоположном – пастух. Но они как бы меняются ролями: не Сатана проявляет активность, а пастух. Это он добивается ее любви, она же покоряется ему, ведет себя как женщина в условиях патриархального быта. В осетинских сказаниях Шатана имеет самое отдаленное отношение к появлению Сосруко. В одном случае его родителем является Урызмаг – муж Шатаны. Он ласкает камень в пещере, а Шатана затем извлекает из этого камня сына своего мужа, т.е. выступает лишь в роли повивальной бабки. А в другом случае отцом Сосруко является Хамыц, и Шатана не имеет никакого отношения к его появлению на свет. Таким образом, абхазская Шатана больше мать Сасрыквы и других нарттов, чем адыгская или осетинская.

Возьмем сцену принятия Сасрыквы в общество нарттов. Когда абхазские нарты, усомнившись в нартском происхождении Сасрыквы, потребовали у матери объяснить, откуда он взялся, то Сатаней-Гуаша властно ответила, что Сасрыква настоящий нарт и приказала своим сыновьям принять его в свою

среду. Другую ситуацию мы имеем в адыгских сказаниях. Прежде всего, появление Сосруко вызвало возмущение нартских женщин. Все набросились на Сатану – откуда, мол, у нее ребенок, ведь мужа-то у нее нет, назвали ее даже патаскухой. Подобная ситуация, разумеется, чужда матриархальным условиям жизни. Когда же решила ввести своего любимого сына в круг нартов, то, отправляясь на хасу, она приделась и нарядилась, чтобы понравиться старейшинам нартов. Но те дают ей резкий отпор, когда она попросила допускать на хасу Сосруко. В ответ на просьбу Сатаны один из нартов ей отвечает:

«Матерей мы уважаем,
Но богатырей на Хасу
Не зовем по просьбе женщин...»

Нарты отказывают Сатаней в ее просьбе, – и она вынуждена уйти ни с чем.

Что касается осетинского варианта эпоса, то здесь совершенно нет такой ситуации (просьбы Шатаны принять Сосруко в число нартов); здесь Созурко-Сослан с самого начала является нартом, как сын Урызмага или Хамыца, и с Шатаны даже ничего не спрашивается в этом вопросе.

Далее приведу весьма характерное место из осетинского эпоса:

«Старший у нартов – старик Урызмаг,
Хозяйка у них – мудрая Шатана...»

Мы имеем здесь одно из подтверждений того, о чем говорила У.Б. Далгат в своем докладе: – Шатана – это типичная матрона большой патриархальной семьи, недаром она своего мужа (Урызмага) называет «хозяином моей головы». Это не исключает того, что Шатана женщина мудрая и нарты, не исключая мужа, часто обращаются к ней за советом. Конечно, и у Шатаны сохранились матриархальные черты, но абхазская Сатаней выступает в особенно яркой матриархальной оболочке.

Большая архаичность абхазского варианта эпоса в сравнении с осетинским и даже с адыгским бросается в глаза и при знакомстве с другими героями эпоса. В данном случае я имею в виду Батрадза и Цвица. Они, несомненно, являются двойниками – это подтверждается целым рядом моментов, связанных с их рождением, воспитанием и местом в нартском обществе. Но если проанализировать хотя бы ситуацию рождения героя, то мы увидим, что матриархальных черт у Цвица больше, чем у Батрадза или Патареца. В последнем случае мать, рассердившись на мужа, выбрасывает плод и, сделав разрез на спине Батрадза, вставляет плод туда. Затем фактически отец рождает сына, а мать никакого отношения к его воспитанию не имеет.

Другую ситуацию мы видим при рождении и воспитании Цвица. Здесь, несмотря на то, что мать сердита на мужа, она не покидает своего сына, и всегда покровительствует ему. Она дает ему волшебную шапку и меч, с помощью которых Цвиц совершает свои подвиги.

Я мог бы значительно умножить аналогичные примеры, но и приведенных достаточно, чтобы сделать твердый вывод о более архаическом облике абхазских нартских сказаний, чем сказаний, бытующих в настоящее время у адыгов и осетин. Этот вывод, сделанный моими уважаемыми предшественниками, несомненно, правилен. Вместе с тем считаю необходимым еще раз подчеркнуть, что в целом, несмотря на более сильные матриархальные пережитки, абхазское нартское общество такое же позднепатриархальное, как адыгское и осетинское, т.е. мы и здесь видим отражения распада первобытнообщинного строя и наличие законченного института военной демократии.

Второй вопрос – о месте и времени возникновения основного ядра нартского эпоса.

Я не случайно так подробно остановился на вопросе о большей архаичности абхазских (а также адыгских) нартских сказаний. Это обстоятельство позволяет вынести твердое убеждение, что нартский эпос не мог возникнуть за пределами Кавказа и быть привнесенным сюда ирано-язычными предками осетин. Конечно, аналогичный эпос должен был быть и у этих последних, ибо эпос такого рода всегда возникает у патриархальных племен в «героический» период их истории. Древний аланский эпос, как видно, в

какой-то своей части вошел в состав нартского эпоса вместе со сказаниями, унаследованными от аборигенного народа-субстрата, оформился впоследствии в осетинский вариант нартского эпоса. Основная область формирования нартского эпоса – это Центральный и Северо-Западный Кавказ, не исключая территории Западной Грузии. Именно в данной области на рубеже II–I тысячелетий до н.э. констатируются весьма тесные для того времени взаимосвязи местного населения.

Об этом здесь вчера говорил Е.М. Мелетинский, цитируя Крупнова и других авторов. Е.И. Крупнов считает, что бытовавшие в то время на данной территории три культуры – Кобанская, Прикубанская и Колхидская – ближайше родственны между собой и в совокупности существенно отличаются, например, от восточно-кавказской культуры.

Период существования названных культур как раз и является временем интенсивного разложения первобытнообщинного строя у племен, населявших указанную территорию. Это именно тот период, который более всего отражен в нартском эпосе.

Как показывают археологические материалы, между обитателями трех культурных областей существовали теснейшие связи различного порядка: экономические, культурные и, несомненно, политические. Именно в этот период существовали наиболее благоприятные условия для формирования общего эпоса у предков нынешних адыгов и осетин.

Следует отметить, что территория Абхазии в целом включается археологами в ареал Колхидской культуры, но в то же время отличается специфическими особенностями, позволяющими поставить ее в особое положение в системе названной культуры. Грузинские археологи считают, в Абхазии существовал весьма оригинальный, своеобразный вариант Колхидской культуры. Одной из черт этого своеобразия являлось то, что в культурном отношении Абхазия была гораздо теснее связана с соседними северокавказскими культурами в первой половине I тысячелетия до н. э., чем другие области распространения Колхидской культуры. Следовательно, в тот период население Абхазии было особенно связано с Северным Кавказом, с обитателями которого оно имело не только тесные культурные связи, но и этническое

родство, возможно, более близкое, чем на сегодняшний день, как это небезосновательно утверждают современные исследователи.

Вопрос о формировании основного ядра нартского эпоса может быть решен, по моему убеждению, только в аспекте изложенных выше соображений и фактов.

Правильно отметил вчера Е.М. Мелетинский, что не следует углубляться в этом вопросе и сводить возникновение эпоса к какому-либо одному народу, как это предлагали некоторые специалисты.

В какой же хронологический отрезок времени сформировалось основное ядро нартского эпоса? Отвечая на этот вопрос, мы должны отметить возможность с абсолютной точностью датировать ту стадию социально-экономического развития народов Центрального и Западного Кавказа, на которой и происходило скорее всего формирование первоначального ядра нартских сказаний.

Самый главный момент в этом вопросе – это степень и масштаб распространения железной металлургии в нартском обществе. Многие исследователи отмечали тот факт, что в нартском эпосе мы имеем широкое распространение железа, и, следовательно, в эпосе отражен тот период истории народов Кавказа, когда железный век утверждался на территории, являющейся ареалом распространения данного эпоса.

Вопрос об этапах развития железного века на территории Западного Закавказья хорошо разработан грузинскими советскими археологами (исследования Р. Абрамишвили, И. Гдзелишвили и др.). И поскольку Северный Кавказ в своем историческом развитии по пятам следовал за Закавказьем, то периодизацию раннежелезного века, установленную для Грузии, мы с полным правом можем применять и к истории освоения железа на Северном Кавказе.

Началом железного века считается тот период, когда начинается непрерывное развитие железной металлургии. Это становится возможным лишь тогда, когда изобретается способ получения губчатого железа в открытых горнах из железной руды, добытой в залежах, и способ изготовления из него стального оружия.

Эпоха широкого освоения железа на территории Грузии хронологически подразделяется на три ступени: **первая** датируется концом II тысячелетия – IX в. до н.э. На данном этапе железные орудия часто повторяют формы предшествующих им бронзовых изделий.

Вторая ступень относится к VIII – первой половине VII вв. На этой ступени значительно улучшается качество железных изделий, и повторение форм бронзовых прототипов имеет место уже редко.

Третья ступень датируется VIII–VI вв. На этой ступени железо уже окончательно вытесняет из употребления бронзу. В VI веке в Грузии происходит полное освоение железа.

Металлургия железа на Кавказе, и в частности в Абхазии, имеет глубокие местные корни, о чем, в первую очередь, свидетельствует воспроизводство в железе ряда бронзовых орудий предшествующего времени. А.Л. Лукин по этому поводу пишет: «Преемственность металлургических производственных традиций III этапа (позднеколхидского – **З.А.** сказывающегося в ранних железных изделиях Абхазии, свидетельствует об автохтонности освоения железа мастерами местных общин, носителями названных традиций, непрерывно вырабатывавшихся в течение длительного предшествующего времени».

В VIII–VII вв. железные изделия получают в Абхазии широкое применение.

К сожалению, наши археологи до сих пор не использовали нартский эпос в той его части, в которой он блестяще отражает все три ступени железоделательного производства на территории наших предков. В этом отношении замечательная картина сохранилась в адыгском варианте нартских сказаний. Именно здесь мы имеем налицо все три ступени: Дабеч – это самая ранняя ступень, первая ступень освоения железа; вторая ступень – ступень широкого распространения железа, на которой происходит обожествление процесса его производства, блестяще представлена в образе Глепша; третья ступень представлена в образе Худима, который овладел секретом производства железа и стал ковать орудия для широких масс народа.

Широкое распространение лошади в нартском обществе тоже падает на эту же эпоху, т.е. конец II тысячелетия – первые

века I тысячелетия до н.э. На этот же период падает возникновение в кавказском обществе таких явлений, как наличие далеко зашедшего процесса имущественной дифференциации, превалирование скотоводческого хозяйства над земледельческим, господство военно-демократического строя и ряд других явлений, которые как раз и составляют основу хозяйственной и общественной жизни нартов, наиболее характерную для эпоса.

Я уверен, что когда наши фольклористы в контексте с историками, археологами, этнографами и лингвистами глубоко и всесторонне исследуют данную проблему, то гипотеза некоторых авторов (В.И. Абаев и др.), что основное ядро эпоса сложилось в первой половине I тысячелетия до н.э., полностью подтвердится и получит убедительное обоснование.

Вместе с тем мне хочется еще раз подчеркнуть большую арахичность абхазских нартских сказаний в сравнении с адыгскими и осетинскими в свете соображений и материалов, которые только что мною приводились, а именно: в абхазских сказаниях отражена более низкая ступень освоения железа, чем в других. Кузнец абхазских нартов Айнарджи знаменует собой самую примитивную стадию утверждения культуры железа и не является еще божеством в полном смысле этого слова. Судя по той характеристике, которую он получает в эпосе, его можно поставить лишь на одну ступень с адыгским кузнецом Дабечом. То же можно сказать и по вопросу об одомашнении лошади. Если в адыго-осетинских вариантах эпоса лошадь имеет уже широкое распространение среди нартов и об ее одомашнении здесь не говорится ни слова, то в абхазских сказаниях это последнее обстоятельство получило яркое отражение. Ведь одна из заслуг Сасрыквы заключается в том, что он приручил лошадь и дал ее народу, а до этого только отдельные нарты имели лошадей.

Следовательно, и здесь констатируется та же картина: в абхазских нартских сказаниях отражена заключительная стадия первобытнообщинного строя, что и в нартском эпосе в целом, но более архаичная ее ступень, которая хронологически относится к раннему периоду указанной выше датировки.

В заключение хочу остановиться на весьма важном, по моему мнению, обстоятельстве, которое вскользь уже отмеча-

лось. Это вопрос о несомненном соучастии в создании нартского эпоса скифо-сармато-аланского этнического элемента, оказавшего в свое время большое влияние на развитие древнего населения Северного Кавказа. Когда знакомишься с осетинскими нартскими сказаниями, то встречаешь там целый ряд таких моментов, которые чужды абхазо-адыгским сказаниям. Так, например, в осетинском варианте эпоса встречаются названия таких стран и народов, о которых исследователи не могут сказать что-либо определенное. Ничего подобного нет в абхазо-адыгских вариантах, в этом отношении они более конкретны. Затем в осетинском эпосе обращает на себя внимание такой факт, как женитьба Уарызмага на своей сестре Шатане. Правда, нарты удивляются этому факту, но быстро примиряются с ним. Ничего подобного не может быть в абхазо-адыгских сказаниях: здесь все брачные отношения нартов построены на принципе экзогамии. Эндогамия же, как известно, была характерна для иранских племен.

В осетинском эпосе мы сталкиваемся и с целым рядом характерных героев, которых нет в адыгском и абхазских вариантах эпоса (Урызмаг, Ахсар, Ахсартаг и др.). Правда, в адыгском варианте мы встречаем Уазырмеса, но это явный двойник Уарызмага, заимствованный у осетин и занимающий в адыгском эпосе периферийное место.

Наконец, можно отметить и такое обстоятельство, как более сильные патриархальные черты осетинского эпоса в сравнении с абхазо-адыгскими вариантами. Это, мне кажется, должно быть отражением аланского патриархального быта. В условиях длительных и дальних походов у аланских скотоводческих племен должны были выработаться сильные патриархальные традиции и условия жизни.

Теперь в отношении образа Шатаны (Сатаны). Этимология этого имени еще не установлена. Большинство исследователей, в том числе В.И. Абаев, считает, что имя вошло в эпос из местного кавказского субстрата. Но значит ли это, что аланская среда целиком заимствовала этот образ из местного субстрата, который она ассимилировала? Вряд ли это так. Надо полагать, что в аланском героическом эпосе была своя Шатуна. В связи с

этим я хотел бы обратить внимание на образ старушки Уорсар из адыгских нартских сказаний. Это имя, как мне сказали, иранского происхождения: по-осетински оно означает «белая голова». Характерно, что при той громадной роли, которую занимает в адыгском эпосе Сатана, старушка Уорсар несколько раз упоминается как самая умная женщина среди нартов. В некоторых сказаниях она фигурирует, как известно, в начале матриархальной эпохи. Может быть, образ Уорсар – это и есть аланская Шатана, заимствованная в свое время предками адыгов и сохранившаяся в их эпосе, но исчезнувшая из осетинского. Впрочем, и в осетинских сказаниях мы встречаем ряд женщин, которые соперничают с Шатаной.

И в заключение еще об одном обстоятельстве – это вопрос о так называемом хатиагском языке, на котором говорят некоторые герои осетинского варианта эпоса. Аналогичного явления нет в абхазо-адыгских сказаниях – здесь никто не говорит на каком-то загадочном языке. Среди осетинских героев его знает очень ограниченный круг лиц, – в частности Шатана и Батрадз, т.е. герои, которые вероятнее всего проникли в осетинский эпос из местного субстрата. К хатиагскому языку Шатана и Батрадз прибегают тогда, когда надо передать какое-либо тайное известие. Единственным способом, с помощью которого можно открыть сундук, содержащий оружие предков, также является обращение к нему Шатаны на хатиагском языке.

С. Бритаев в своих примечаниях к осетинскому изданию нартских сказаний (1949 г.) высказывает предположение, что в хатиагской речи мы имеем, возможно, хеттский язык. Но, может быть, это и есть язык того местного этнического субстрата, который впоследствии был ассимилирован пришлыми аланами. Этот язык скорее всего был языком иберо-кавказской группы, которая, по мнению многих специалистов, была родственна протохеттским языкам. Так или иначе вопрос о хатиагском языке в осетинском варианте эпоса, по моему мнению, заслуживает пристального внимания исследователей в аспекте выяснения местных (субстратных) корней в осетинском варианте нартского эпоса.

Таким образом, исторический анализ нартского эпоса и сравнительное изучение его национальных вариантов (в рамках существующих публикаций) в связи с историей народов Кавказа

– носителей эпоса позволяет, на наш взгляд, сделать следующие выводы:

1) Географический ареал формирования нартского эпоса – это центральная и западная часть Северного Кавказа, а также северо-западная часть Закавказья (Абхазия и, возможно, некоторые районы к югу от нее). Фигурирующие в эпосе области, расположенные вне Кавказа (Подонье, Поволжье и др.), а также «неизвестные» народности свидетельствуют, с одной стороны, о географических представлениях и внешних связях создателей эпоса, но главным образом, по-видимому, отражают более ранний ареал распространения ираноязычных предков создателей нартских сказаний (это особенно наглядно проявляется, естественно, в осетинском варианте эпоса).

На территории очерченной области на рубеже II–I тысячелетий до н.э. бытовали три ближайшие родственные археологические культуры – Кобанская, Прикубанская и Колхидская.

2) Конкретная историческая обстановка, в которой был создан первоначальный костяк нартского эпоса, представляет собой заключительную стадию первобытнообщинного строя – период позднего патриархата и военной демократии. Прежде всего, это еще типичный патриархально-родовой строй со всеми его базисными и надстроечными атрибутами. Вместе с тем налицо и явные признаки его социально-экономического разложения.

Патриархальные элементы особенно ярко отражены в осетинском варианте эпоса, в меньшей степени в адыгском варианте, еще меньше в абхазских нартских сказаниях. Сравнительный анализ центральных образов эпоса (Сатаней–Шатана, Сасрыква–Сосруко–Созырко–Сослан, Айнарджи–Тлепш–Курдалагон, Цвицв–Патраз–Батраз–Батрадз, Урызмаг–Уазырмес) приводит к заключению, что наиболее архаичными чертами отличаются герои абхазского варианта эпоса и наименее архаичными – осетинские эпические герои. Среднее место в этом отношении занимают герои адыгских сказаний. В соответствии с этим пережитки матриарха-

та в большей степени сохранились в абхазском эпосе и менее всего в осетинском.

Причиной этого явления следует считать то обстоятельство, что у абхазов значительно раньше складываются классовые отношения (в условиях Колхидского царства, под воздействием древнегреческих полисов и т.д.), чем у предков адыгов или осетин. Поэтому развитие абхазского варианта нартского эпоса было «приостановлено» значительно раньше, чем у народов Сев. Кавказа.

3) Наиболее приемлемой датой возникновения (точнее оформления) основного ядра нартского эпоса является первая половина I тысячелетия до н. э. и особенно его вторая четверть (сер. VIII–VI вв.). Именно в эту эпоху в истории народов–носителей эпоса складываются все социально-экономические явления, преимущественно отраженные в эпосе (сохранение ведущей роли скотоводства и охоты при наличии определенного веса и земледелия, утверждение металлургии железа, зарождение и развитие зачатков частной собственности и имущественной дифференциации, превращение войны в «регулярную функцию народной жизни», установление в связи с этим строя «военной демократии» и т.д.).

4) Нартский эпос, надо полагать, имеет два основных этнических первоисточника: а) абхазо-адыго-«кобанский» (под «кобанским» этносом подразумеваются родственные абхазо-адыгам аборигенные племена центрального Предкавказья, создавшие Кобанскую культуру эпохи поздней бронзы и впоследствии ассимилированные пришлыми ираноязычными элементами) и б) скифо-сармато-аланский.

Двойственное происхождение нартского эпоса особенно наглядно проявляется в его осетинском варианте, где четко выявляются эпические слои как «иранского» источника (Уархаг и его сыновья, Урызмаг, Сырдон и др.), так и «субстратного» источника (Созрыко-Сослан, Батрадз и др.). Образ Сатаней–Шатаны, самый архаичный в нартском эпосе, является, как видно, общим для обеих первоисточников (независимо от происхождения собственного имени, которое, очевидно, возникло на местной почве). Скифо-сармато-

аланский эпос, несомненно, имел свою Шатану, образ которой в значительной части слился с местной Сатаней, сохранив свои специфические черты.

Следовательно, этническая среда, в которой возник нартский эпос, – это прежде всего предки нынешних абхазо-абазин, адыгов и осетин (как в лице сармато-аланов, так и ассимилированного ими местного этнического субстрата), а также ирано- и – кавказоязычные предки карачаево-балкарцев и, по-видимому, предки вайнахов (вопрос о дагестанских «предках» остается открытым).

5) Исторической основой общности происхождения и межэтнического характера нартского эпоса являются конкретные условия жизни обитателей указанной выше части территории Кавказа в первой половине I тысячелетия до н.э., а также и в последующие времена: «эйлажное скотоводство, одомашнение лошади, распространение техники производства металла (бронзы и особенно железа), относительно быстрый рост межплеменных культурно-экономических и политических связей, внешние вторжения, этнические скрещивания, иначе говоря – весь комплекс разнообразных исторических взаимоотношений, связывавших народы Северного Кавказа и Западного Кавказа на протяжении многих веков.

Заключительное слово

Товарищи! Я хочу свое заключительное слово начать с одной индийской притчи. В ней рассказывается о том, как несколько слепых шли вместе и наткнулись на стоящего поперек дороги слона. Первый слепой взялся за хвост, пощупал и говорит: «веревка». Второй взялся за ногу и возразил: «Нет, это дерево», а третий ткнул слона в туловище и сказал: «Нет, это стена». На самом же деле это был слон, и нужно было быть зрячим, чтобы убедиться в этом.

Эту притчу напомнил, мне выступления некоторых товарищей: они приводили отдельные моменты, характерные для матриархата и отсюда делался вывод, что целиком нартский эпос возник в эту эпоху.

Справедливо сказал Василий Иванович, что нартский эпос многослойный, полистадиальный, в нем отражен ряд различных эпох. Но если отвлечься от частных и выявить его главные черты, то мы убедимся, что этот эпос создан в эпоху позднего патриархата – вся совокупность социально-экономических, культурных и прочих явлений даст нам только эту картину. Естественно, мы можем спорить о деталях, но не должны ставить вопрос о том, что эпос является порождением эпохи матриархата. Я думаю, что от этой точки зрения мы должны отказаться окончательно. Это один момент.

Второй момент – в отношении эволюции взглядов уважаемого В.И. Абаева. Если я говорил, что он всегда ищет аланское ядро эпоса, то сегодня он правильно сказал, что мы не будем его искать, а просто скажем, что это ядро возникло на определенной территории, где жили предки абхазов, адыгов и осетин (Апладисменты).

Третье замечание в адрес Е.С. Мелетинского. В его докладе на Орджоникидзеvской конференции совершенно четко говорится, что кабардинцы, перешедшие на территорию, принадлежавшую аланам, могли перенять у них нартский эпос. Такое положение я считал неправильным.

В книге «Происхождение героического эпоса», где большая глава посвящена нартскому эпосу, Е.М. Мелетинский тоже повторяет некоторые положения своих прежних работ, в частности, положение о сарматах и аланах, как об этнической среде, в которой возник нартский эпос, о раннем патриархате, как социально-экономической базе возникновения нартского эпоса. Я высказал удовлетворение, что он в своем докладе на данной конференции об этом ничего не сказал, а, наоборот, заявил, что эпос возник в более широкой этнической среде. Я заметил изменения во взглядах Е.М. Мелетинского в более правильную сторону, – в отличие от неверных положений, которые были высказаны в его предыдущих работах.

Некоторые наши коллеги, фольклористы, – это относится и к Е.М. Мелетинскому, – недооценивают необходимости более глубокого и тщательного изучения того народа,

который создал эпос, и вообще исторических проблем, относящихся к этому периоду. Тогда не возникало бы такого утверждения, что матриархат сосуществует с военной демократией. Это то же самое, что сказать, что рабовладельческий базис сосуществует с буржуазным политическим строем.*

Выступление на Всесоюзной научной конференции нартоведов в Сухуме, в ноябре 1963 г.

*Из домашнего архива. Публикуется впервые.